

ШЕЛЛИНГ И ТЮТЧЕВ

ШЕЛЛИНГ был истинным поэтом в философии и его воззрения проявляются в лирике Ф.И.ТЮТЧЕВА. В 18 лет Тютчев, после окончания славянского отделения Московского Университета, поступил на службу в русскую миссию в Мюнхене, и пробыл там 22 года. Молодой русский дипломат вел с идеологом немецкого романтизма, создателем натурфилософии - Шеллингом философские споры. Тютчева сближает с немецким романтизмом цель объединить искусство с философией, охватить и природу и человека, представить мир как целое. В трансцендентальной философии Шеллинга поэзия объективирует трансцендентную интуицию. Поэт ставится выше философа и он должен уловить «непостижимое», пророчествовать, «предчувствовать состояния мира». Шеллинг считает *genius* – это обитающее в человеке божественное. И оно содержит в себе предустановленную гармонию между сознательным и бессознательным. Для эстетики он тоже, что «Я» для философии, то есть гений у Шеллинга стал космической категорией.

ТЮТЧЕВ – о нем часто говорили как о поэте – философе. В его творчестве главное, что и сближает его с немецкими литературно - романтическими мыслителями, животворящий синтез поэзии и философии. Что еще роднит Тютчева с Шеллингом – это «мистическое чувство природы», «провидение» природы, природо - вдохновенная избранность. Это звучит у Тютчева в стихотворении «Есть некий час в ночи всемирного молчанья». Как и Шеллинг, Тютчев чувствует явление мира из хаоса как редкое откровение, «видение», присущее лишь избранныкам и пророкам. Все стихотворение пронизано идеей оживотворения – «живая колесница мироздания». А «всемирное молчанье» - обязательный момент божественного созерцания. Оно предшествует божественному деянию. Мир как увиденный в пророческих снах образ, рождающийся из довременного хаоса. Природа, стихия, хаос – на одной стороне, цивилизация, космос – на другой – это две полярности. Древний хаос и упорядоченный космос находятся в постоянной борьбе между ними.

Однако, в лирике Тютчева именно само содержание жизни несет печать возвышенного. И главнейшая духовная коллизия Тютчева в вечном столкновении между стихией жизни как таковой и формами, которые указывает ей история. Что опаснее: испытывать влияние уже сложившегося мировоззрения или находиться в постоянном поиске? По Шеллингу сознание в своем развитии проходит три фазы: простое сознание, которым обладают все высшие животные, самосознание, которым наделен человек, и космическое сознание того, что космос «нематериален, духовен и жив». Мирощущение Тютчева в отличие от идей немецкого романтизма, базирующегося на космическом сознании, дающем поэтическое вдохновение, приближено к ощущениям текущей жизни. И в этой текущей жизни главная духовная коллизия Тютчева в вечном ропоте «возможного» против «действительного». И какой же образ жизни может даровать подлинное духовное наслаждение?

В стихотворении Тютчева «Лебедь» - ОРЕЛ (*der Adler*) – активный, ЛЕБЕДЬ (*der Schwan*) – созерцательный – это два гения, черпающие вдохновение в различных космических энергиях. Это формы существования, являющие собой «мелодии жизни». Лебедь заявляет о своей божественной природе, вспоминая как он «вкруг лона Леды обвился». Но сердечная тоска Лебеда влечет его к жизни в небесной стране. Орел тоже в родстве с богами, он всегда там, где охота, борьба и сила. Распластав крылья, Орел летит к бессмертному Солнцу, ликует и парит наравне с молниями. У Тютчева «всезрящий сон» Лебеда противопоставлен ослепленным солнцем очам Орла. Здесь прослеживается и еще одно противопоставление «Восток – Запад». Созерцание – путь духовного развития самого Тютчева. Божество одело Лебеда своей стихией и наделило проникновением в высшие тайны бытия и природы. Не день, а ночь – «полная славой звездная твердь» - открывает Лебедею сакральные основы бытия. Противопоставление дня и ночи у Тютчева – это неразрывная связь между телесным и духовным, между мертвым и живым. Ночь – фон для фантазии и доступ к вечной сути бытия Вселенной, а день прячет суть вещей.

Немецкие романтики психологически объясняют воздействие Ночи на душу: «Мрак преображает и смешивает очертания всех видимых предметов и переносит нас в чужой, до этого непонятный мир. Тогда в нашей душе пробуждается предчувствие, что всё наше знание, всё наше счастье – лишь только пустой, глухой хаос». Ночь дает бессознательному определенную власть над осознанным. Ночной хаос близок доисторическому хаосу, из которого когда-то возник космос.

Тютчев, в отличие от немецких романтиков, не боится «погружения в ночь» и связи «с миром дремлющим». Существенная черта русского философствования и поэзии как органа философии есть убеждение, что сознание не только постигает бытие, и духовная жизнь человека – это связанная с космическим бытием реальность. Очевидно, что немецкая философская поэзия стала у Тютчева точкой отсчета для развития его национального самосознания.

Уникальность Тютчева как поэта в том, что в его лирике уживается немецкая и русская культуры, Восток и Запад и проявлена русская «поэзия мысли».

ТЮТЧЕВ И ШЕЛЛИНГ

Шеллинг – поэт в философии,

Тютчев – философ в поэзии.

Вот день – и мысль, а

Ночь – и созерцанье.

Вот Запад и Восток – их

Противостоянье.

День прячет суть вещей, а

Ночь их ищет.

Ученый и поэт – кто

К тайне ближе?

Искусство – как везде –

Носитель тайны,

Но тайну не раскрыть, а

Сделать явной.

Она между двойною

Бездной скрыта

В гармонии, где сон и

Явь открыта.

Лишь где-то рядом genius

В надежде бродит,

Сочувствуя ее космической

Природе.

16. 07. 16